

42

004617716

На правах рукописи

Скобелев Александр Васильевич

Александр

**«ЛЮДИ» В СИСТЕМЕ СОЦИАЛЬНЫХ СВЯЗЕЙ
ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКОГО ОБЩЕСТВА VI – ПЕРВОЙ ТРЕТИ XII вв.**

07.00.02 – Отечественная история

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
кандидата исторических наук

16 ДЕК 2010

Ижевск – 2010

Работа выполнена в Государственном образовательном учреждении
высшего профессионального образования
«Удмуртский государственный университет»

Научный руководитель: доктор исторических наук, доцент
Виктор Владимирович Пузанов

Официальные оппонент: доктор исторических наук, профессор
Юрий Владимирович Кривошеев

кандидат исторических наук, доцент
Степан Викторович Козловский

Ведущая организация: ГОУВПО «Челябинский
государственный университет»

Защита состоится 21 декабря 2010 г. в 10:00 час. на заседании
диссертационного совета ДМ 212.275.01 при ГОУВПО «Удмуртский
государственный университет» по адресу: 426034, г. Ижевск, ул.
Университетская, 1, корп. 2.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке Удмуртского
государственного университета и на сайте <http://www.udsu.ru>

Автореферат разослан «18» ноября 2010 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета
канд. ист. н., доцент

Г.Н. Журавлева

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования. Проблема восточнославянского социогенеза является одной из наиболее актуальных и спорных в историографии. Особую дискуссию вызывают начальные этапы отечественной истории, связанные со становлением стратифицированного общества и раннегосударственных образований. Во многом это обусловлено скудостью источников, сложностью извлечения и противоречивостью содержащейся в них информации. Поэтому совершенствование методов источникового анализа, поиск новых ракурсов изучения проблемы находятся в центре внимания исследователей-медиевистов. Особое значение в этой связи приобретает изучение отдельных слоев населения в контексте сложной системы социальных связей и динамике исторического развития. Другой резерв – анализ всех упоминаний о конкретной социальной группе, с учетом обстоятельств использования книжниками и семантики обозначающих ее терминов.

К числу структурообразующих в социальной системе восточнославянских потестарных образований и Древнерусского государства, относится категория населения, обозначаемая термином «люди». По доминирующему мнению исследователей, *люди* – наиболее массовая категория восточнославянского общества, неизменный участник социально-политических коллизий рассматриваемого времени. В то же время, это дифференцированная, сложная по имущественному и социальному статусу группа, требующая более детального исследования. Можно с уверенностью утверждать, что от реконструкции социального облика «людей», выяснения их места и роли в системе социальных связей напрямую зависит характеристика общественной природы восточнославянских потестарных и политических объединений VI – первой трети XII в.

Объектом исследования является система социальных связей у восточных славян.

Предметом исследования стали *люди* – одна из категорий населения восточнославянского социума в VI – первой трети XII вв.

Хронологические рамки. Нижняя временная граница исследования обусловлена появлением первых достоверных сообщений письменных источников о славянах, началом их масштабного расселения в Европе, в ходе которого закладывались особенности восточнославянского социо- и политогенеза. Верхняя граница (первая треть XII в.) определяется важным рубежом в социально-политическом развитии древнерусского общества, связанным с завершением процесса распада Киевской Руси и

формированием городов-государств, формированием новых социальных связей *людей* в восточнославянском обществе.

Степень изученности проблемы. В отечественной историографии можно выделить три этапа в изучении вопроса о *людях*. Первый этап - дореволюционный, охватывающий период с конца XVIII в. до 1917 г. Он характеризуется многообразием взглядов на социальную сущность и место *людей* в общественной системе Древней Руси. Следующим этапом стал период советской исторической науки – с 1917 до начала 90-х гг. XX века. Отличительной чертой этого периода являлось доминирование марксистской методологии, акцентировавшей внимание на исследовании социально-экономических процессов в восточнославянском обществе, в силу чего научный интерес к истории народных масс, в том числе и *людей*, усилился (особенно при рассмотрении сюжетов о деятельности вече и классовой борьбы). С начала 90-х гг. XX начался современный этап, характеризующийся методологическим плюрализмом исследований и расширением их тематики, в первую очередь за счет изучения отдельных *страт людей (градские, нарочитые, лучшие)*.

Одним из первых попытался раскрыть социальную сущность *людей* И.Н. Болтин, увидевший в них представителей рядового свободного населения, в противоположность *боярам* (т.е. *мужам*)¹. Эта точка зрения получила достаточно широкое распространение в последующей историографии². Более широкий взгляд на *людей* представлен в трудах И.Д. Беляева, включившего в состав данной категории не только как свободное рядовое население, но и *бояр*, как представителей знати³. На сходных позициях стояли В.И. Сергеевич и М.А. Дьяконов⁴. Эти два исследовательских подхода роднил взгляд на *людей*, как на свободное население. Особого мнения придерживался А.Е. Пресняков, рассматривавший *людей* как зависимое, «подвластное» население⁵. Важной заслугой дореволюционной историографии было выявление полисемичности

¹ Цитируется по изданию: Правда Русская. Комментарий. М.-Л., 1947. Т.2. С. 16.

² Карамзин Н.М. История государства Российского. М., 1998. Кн.1. С. 204 ; Соловьев С.М. История России с древнейших времен // Сочинения: В 18 кн. М., 1993. Кн.1. С. 210 ; Бестужев-Рюмин К.Н. Русская история. СПб., 1872. Т.1. С. 115 ; Ключевский В.О. История сословий в России : Полный курс лекций. Мн., 2004. С. 41 ; Платонов С.Ф. Лекции по русской истории. М., 1993. С. 82 – 84.

³ Беляев И.Д. Крестьяне на Руси. М., 1860. С. 8.

⁴ Сергеевич В.И. Древности русского права. Территория и население. М., 2006. Т.1.С. 154 ; Дьяконов М.А. Очерки общественного государственного строя Древней Руси. СПб., 2005. С. 70.

⁵ Пресняков А.Е. Княжое право в Древней Руси. Лекции по русской истории. Киевская Русь. М., 1993. С. 361.

рассматриваемого термина⁶. Несомненным достоинством исторической науки этого периода стало обращение к изучению качественных характеристик (*лучшие, нарочитые, добрые, черные*), определяющих различный социальный статус *людей*⁷. В работах дореволюционных авторов прослеживаются попытки нащупать точки соприкосновения *людей* и *смердов*.

Несмотря на достигнутые успехи, рассматриваемая проблема оставалась на периферии исследовательских приоритетов дореволюционных авторов: *людям* были посвящены краткие пассажи, как правило, редко превышающей объем одной фразы; минимальный интерес проявляли исследователи к роли *людей* в социально-политических коллизиях Древней Руси.

Этот недостаток восполнила советская историография. С утверждением марксистской методологии в исторической науке усилился научный интерес к роли народных масс в истории. В связи с этим, *люди* гораздо чаще, чем раньше стали оказываться в поле зрения историков, особенно при рассмотрении деятельности *веча* и классовой борьбы в Древней Руси. Формационный подход к историческим процессам наложил свой отпечаток на понимание *людей* советскими историками.

В 30-е – 50-е гг. XX вв. дискуссии развернулись на тему принадлежности *людей* только к городскому⁸ или только к сельскому⁹ населению Древней Руси. Компромисс был найден в определении *людей* как представителей и сельского и городского рядового свободного населения¹⁰. Такой подход нашел опору в трудах филологов, согласно которым термин «люди» изначально обозначал свободных членов общины¹¹. Этот взгляд стал доминирующим в советской историографии в последующем¹².

⁶ Срезневский И.И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. СПб., 1902. Т.2. С. 94.

⁷ Сергеевич В.И. Древности русского права. Т.1. С. 154 ; Дьяконов М.А. Очерки общественного ... С. 70.

⁸ Кочин Г.Е. Материалы для терминологического словаря древней России. М.-Л., 1937. С. 177 ; Тихомиров М.Н. Древнерусские города ... С. 222.

⁹ Греков Б.Д. Крестьяне на Руси с древнейших времен до XVII века. Кн. 1. С. 21 ; Греков Б.Д. Киевская Русь. С. 313 ; Мавродин В.В. Очерки истории СССР ... М., 1956. С. 73.

¹⁰ Юшков С.В. Общественно-политический строй и право Киевского государства. М., 1949. С. 267.

¹¹ Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. М., 1986 ; Шанский Н.М., Краткий этимологический словарь русского языка. М., 1971 ; Иванов Вяч. Вс. К типологическому анализу внутренней формы праслав. *selovekъ* 'человек' // Этимология, 1973. М., 1975 ; Дегтярев В.И. О происхождении слова *люд* // Этимология, 1979. М., 1981.

¹² Черепнин Л.В. Из истории формирования класса феодально-зависимого крестьянства на Руси // Из. М., 1956. Т. 56. С. 236 ; Покровский С.А. Общественный строй древнерусского государства // Труды Всесоюз. заочн. юрид. ин-та. М., 1970. Т. 14. С.61 ; Фроянов И.Я.

Таким образом, советские исследователи противопоставляли *людей*, как свободное население *мужам* и *боярам*, т.е. – классу феодалов. Важной заслугой советской науки стало появление обзоров историографического характера о *людях*¹³. В то же время исследователи разошлись в трактовке места и роли *людей* в восточнославянском социуме, что во многом определялось концептуальными предпочтениями авторов.

Основным результатом изысканий современной исторической науки, характеризующейся избавлением от идеологических догм, появлением альтернативной методологии, становится все более явственно намечающийся отход от трактовки *людей* только как рядового городского и сельского населения. Все чаще историками указывается на существование различных (как в имущественном, так и в социальном отношении) микрогрупп в составе *людей*¹⁴. Эти различные микрогруппы (*градские, нарочитые, лучшие*) *людей* и стали предметом детального изучения в современной историографии, что также нельзя не занести в ее актив¹⁵.

Несмотря на очевидные успехи, обусловленными освобождением научной мысли от сковывающих ее жестких методологических рамок, состояние современной российской историографии по этому вопросу не позволяет говорить об исчерпанности темы: к настоящему времени обобщающих работ, посвященных *людям*, так и не появилось. В попытках решения вопроса о *людях* не учитывался весь корпус письменных и вещественных источников. К одному из устойчивых историографических стереотипов современной исторической науки (впрочем, как дореволюционной, так и советской), не находящих опоры в источниках, следует отнести существующий взгляд на тождественность *людей* и

Киевская Русь. Очерки социально-политической истории. С. 121 – 122 ; Свердлов М.Б. Генезис и структура феодального общества. М., 1989. С. 49 ; Колесов В.В. Мир человека в слове Древней Руси. Л., 1986. С. 140 и др.

¹³ Фроянов И.Я. Киевская Русь. Очерки социально-политической истории. С. 118 – 121 ; Колесов В.В. Мир человека ... С. 141.

¹⁴ Даркевич В.П. «Градские люди» Древней Руси: XI – XIII вв. // Культура славян и Русь. М., 1999. С. 105 ; Кривошеев Ю.В. Русь и монголы: Исследования по истории Северо-Восточной Руси XII – XIV вв. СПб., 1999. С. 33 – 34 ; Кривошеев Ю.В., Соколов Р.А. Александр Невский: Эпоха и память: исторические очерки. СПб., 2009. С. 11 ; Долгов В.В. Быт и нравы Древней Руси: Миры повседневноности XI – XIII вв. М., 2007. С. 216 – 220 ; Вилкул Т.Л. Люди и князь в древнерусских летописях середины XI – XIII вв. М., 2009. С. 236 – 237 и др.

¹⁵ Даркевич В.П. «Градские люди» ... С. 93 - 143 ; Лукин П.В. Вече, «племенные» собрания и «люди градские» в начальном русском летописании // Средневековая Русь. М., 2004. Вып. 4. С. 70 – 140 ; Вилкул Т.Л. Люди и князь в древнерусских летописях середины XI – XIII вв. М., 2009 ; Пузанов В.В. Древнерусская государственность: генезис, этнокультурная среда, идеологические конструкты. Ижевск, 2007. С. 564 – 573.

*смердов*¹⁶. Практически не затрагивалась проблема взаимоотношений *людей* и церкви (а она вполне может вылиться в отдельное монографическое исследование).

Целью исследования является реконструкция социального облика категории населения, обозначаемого термином «люди», определение ее места и роли в системе социальных связей восточнославянского общества VI – первой трети XII вв.

Для достижения поставленной цели предполагается решить следующие **исследовательские задачи**:

- определение социальной природы *людей* и их места в социальной структуре восточных славян в VI – IX вв.;

- рассмотрение *людей* в системе социальных связей восточнославянской семьи, сельской и городской общины в X – первой трети XII вв., а также военной организации;

- рассмотрение *людей* через призму взаимоотношений с неполноправными социальными категориями древнерусского населения (*смердами*, *челядью* и др.).

Источниковая база диссертации. Комплекс источников для изучения социальной истории восточных славян VI – первой трети XII вв. традиционен. Источники можно разделить на несколько групп: летописные, законодательные, учительная литература, послания, агиографические, источники, берестяные грамоты, иностранного происхождения, материалы археологических раскопок, этнографические данные, топонимический материал.

Особое значение для характеристики социальной сущности *людей* имеют **летописные** источники (*Лаврентьевская летопись*, *Ипатьевская летопись*, *Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов*, *Новгородская четвертая летопись*, *Софийская первая летопись*). Именно в них содержится подавляющее большинство сообщений о данной категории. Летописи позволяют скорректировать наши представления о *людях*, их месте и роли не только в социальном, но и политическом пространстве Руси. С помощью летописного нарратива становится возможным проследить динамику изменения смысла термина «люди», его основные семантические оттенки. Без учета летописного материала трудно судить о градациях в структуре самих *людей*, невозможно и в полном объеме раскрыть все богатство взаимоотношений *людей* и представителей других социальных групп (*смердов*, *челяди* и др.).

Законодательные источники играют огромную роль в освещении общественных отношений Древней Руси, поскольку они наиболее полно и

¹⁶ Свердлов М.Б. Историография, теория и практика изучения истории Руси VI – XIII вв. Саратов, 2002. С. 69.

четко (по сравнению с другими источниками) отражает социальную структуру того времени. Он наполняет социальные термины детальным содержанием. Безусловно, важнейшим законодательным памятником древней Руси стала Русская Правда. Этот источник позволяет отметить существенные характеристики *людей* во взаимосвязях с неполноправными группами древнерусского населения (*закупами, рядовичами*). Именно он поставляет основные данные по взаимоотношениям *людей и верви*.

Помимо Русской Правды были привлечены публично-правовые акты (международные договоры Руси с Византией X века, княжеские уставы Владимира и Ярослава). В число правовых источников попадает и комплекс смоленских грамот.

Большое значение для изучения древнерусской знати имеют произведения *учительной литературы* Древней Руси. Особое место среди них занимает «Слово о законе и благодати» Илариона – первый из известных отечественной науке литературных памятников, относящихся к оригинальной древнерусской литературе. «Слово» в сравнительно небольшом объеме дает массу упоминаний терминов, обозначающих социальные категории (*люди, бояре, отроки* и др.). Среди текстов Лаврентьевской летописи за конец XI века встречается такой бесспорно ценный памятник литературы как «Поучение» Владимира Мономаха. В «Поучение» Владимира Мономаха можно найти обильный материал по социальной истории, прежде всего, сведения по военной организации и взаимоотношения *челяди и людей*.

Привлекались и более поздние произведения, главным образом, для того чтобы иллюстрировать отношения между *людьми* и представителями неполноправными категориями населения. К таким отнесем «Поучение к простой чадю». Позднейшим источником было и «Слово Даниила Заточника», относящееся к *посланиям*.

Весьма ценную информацию о жизни древнерусского общества сообщают памятники *житийной литературы* 70-х гг. XI – начала XII вв.: «Сказание о Борисе и Глебе», «Чтение о Борисе и Глебе», «Житие Феодосия Печерского». Эти произведения также дают информацию о социальной структуре Киевской Руси и *людях*, в частности. Особенно важно то обстоятельство, что они содержат описание отдельных случаев, позволяющие лучше понять систему социальных связей Древней Руси, наполнить наши представления о ней антропологическим содержанием. Определенный спектр значений слова «люди» дает нам «Память и похвала князю русскому Владимиру».

Достаточно много данных о древнерусском обществе сообщает такой сложный по составу и разновременный по собранным в нем записям источник как «Патерик Киево-Печерского монастыря». Киево-Печерский

патерик дополняет летописные известия о жизни древнерусского общества в целом.

Особую ценность для исследования представляют **берестяные грамоты**, поскольку позволяют наблюдать пласты социальных отношений, не затронутых церковной идеологией. Ценность их и в том, что они донесли до нас голос не только представителей знати, но и простого народа. Благодаря этим источникам стало возможным получить больше информации о *дружине*, *смердах*. Огромная заслуга в исследовании берестяных грамот принадлежит Л.В. Черепнину, В.Л. Янину, А.А. Зализняку¹⁷.

Специфика поставленных задач не позволяет в полной мере задействовать **источники иностранного происхождения**. Интерес к социальным отношениям славян в свидетельствах иностранных авторов минимальный. Особенно важны они при изучении периода славянской истории с VI по IX вв. В первую очередь привлекались свидетельства византийских авторов (Иордана, Маврикия Стратега, Прокопия Кесарийского, Менаандра Протектора, Льва Диякона). В диссертации были также использованы сведения, содержащиеся в трудах мусульманских авторов, в особенности известия Ибн Фадлана и Ал-Гарнати, непосредственно контактировавших со славянами и русами.

Одним из основных источников домонгольской Руси, в особенности вообще по истории общественных отношений предгосударственного периода служат **материалы археологических раскопок**, проведенных в главных центрах расселения восточных славян. Ценные сведения о восточнославянской общине можно получить из наблюдений за изменениями на протяжении нескольких веков форм поселений и расселения, характера и размера жилищ, дифференциации построек в зависимости от их назначения – бытового, производственного, военно-оборонительного и культурного. Однако из самих по себе отдельно взятых материалов археологических раскопок нельзя сделать прямых заключений о характере социального строя восточных славян. Археологические материалы оживают и дают информацию о социальном процессе лишь в сопоставлении с письменными и иными видами источников, при комплексном использовании разного рода исторических свидетельств.

К **важнейшим работам**, содержащим обобщенный анализ археологических данных о социально-экономическом развитии славян на территории Древней Руси IX – XII вв., можно отнести исследования И.И.

¹⁷ Черепнин Л.В. Новгородские берестяные грамоты как исторический источник. М., 1969 ; Зализняк А.А. Древненовгородский диалект. М., 2004 и др.

Ляпушкина¹⁸, И.П. Русановой¹⁹, В.В. Седова²⁰, Б.А. Тимошука²¹, Н.А. Макарова²².

Сравнительный анализ обществ различных регионов мира также дает обильную пищу для размышлений²³. **Этнографический материал** позволяет лучше понять особенности возрастных классов славян в сравнении с данными некоторых народов мира.

В работе использовались также и некоторые **топонимические данные**, в частности, для определения географических рамок проживания такой социальной категории как *смерды*.²⁴

Совокупность перечисленных выше источников, является достаточной для решения поставленных в диссертации научных задач.

Методологическую основу исследования составили принципы историзма, научной объективности, системности.

Одним из наиболее важных для работы является принцип историзма, в основа которого зиждется подход к действительности как к развивающейся, меняющейся во времени системе, где объекты исследования должны рассматриваться в их историческом развитии, в связи с конкретными условиями их существования.

К числу особо значимых относится и принцип научной объективности, который предполагает рассмотрение каждого объекта и явления в его многогранности и противоречивости. В диссертационной работе этот принцип выразился в освещении фактов социальной жизни восточных славян (в первую очередь, *людей*) исследуемого времени с различных сторон, точек зрения.

При раскрытии темы использовался системно-структурный подход, который позволяет изучать взаимосвязи между всеми признаками

¹⁸ Ляпушкина И.И. Славяне Восточной Европы накануне образования Древнерусского государства (VIII – первая половина IX вв.). Историко-археологические очерки. Л., 1968.

¹⁹ Русанова И.П. Славянские древности VI – VII вв. М., 1976.

²⁰ Седов В.В. Восточные славяне в VI – XIII вв. М., 1982; Его же. Славяне в древности. М., 1994; Его же. Славяне. Историко-археологическое исследование. М., 2002.

²¹ Тимошук Б.А. Восточнославянская община VI – X вв. н.э. М., 1990; Его же. Восточные славяне: от общины к городам. М., 1995.

²² Археология севернорусской деревни X – XIII вв.: Средневековые поселения и могильники на Кубенском озере: В 3 т. М., 2007

²³ Калиновская К.П. Возрастные группы народов Восточной Африки: Структура и функции. М., 1976; История первобытного общества. Эпоха классового образования. М., 1988; Социально-экономические отношения и соционормативная культура. М., 1986; Ранние формы социальной стратификации: генезис, историческая динамика, постстарно-политические функции. М., 1993; Ранние формы социальной организации: генезис, функционирование, историческая динамика. СПб., 2000.

²⁴ Рыдзевская Е.А. Слово «смерд» в топонимике // Проблемы источниковедения. М.-Л., 1936. Сб. 2. С. 5 – 16.

определенного явления, изменения во взаимосвязях между признаками или в структурах во времени. Таким образом, системность в данном исследовании призвана отразить сложные, взаимообусловленные отношения социальной категории «люди» в системе социальных связей восточнославянского общества с VI по первую треть XI вв.

В данном исследовании применялся ряд общеисторических методов. Историко-генетический метод позволил описать существенные свойства и функции рассматриваемых социальных категорий (в первую очередь *людей*) и социальных институтов в исторической динамике на протяжении VI – первой трети XII в. Историко-сравнительный метод применяется в этом исследовании, главным образом для сопоставления таких социальных институтов древнерусского общества как семья, община. Неполные, фрагментарные сведения о *людях* на раннем этапе славянского социума вынудили обратиться к методу аналогий. В основном он применялся для половозрастной характеристики низовых общественных структур славян в VI – первой трети XII в. Многие умозаключения в данной работе сделаны на основе историко-системного метода. С его помощью удалось нарисовать теоретическую картину социальных связей *людей* в общественной системе восточных славян с, а также их сложных взаимоотношений с другими социальными группами (*смердами, закупам* и т.д.). Ретроспективный метод использовался в случаях, когда недостаток информации о семье, общине периода X – первой трети XII вв. вынуждал обращаться к известиям более позднего времени и экстраполировать полученные выводы на изучаемую эпоху. Важнейшим стал и метод терминологического анализа, позволяющий раскрыть сущность терминов, обозначающих социальные категории восточного славянства.

В исследовании широко использовалась методология школы «Анналов». Здесь речь идет, прежде всего, о междисциплинарном подходе, позволяющем делать выводы о восточнославянской общественной структуре на основе суммы знаний, выявленной с помощью различных наук (этнографии, лингвистики, археологии). Творческий «диалог историка с источником», т.е. вдумчивой разработки предварительного списка вопросов, актуального в ситуации скудости информативной базы имел большую значимость при изучении сюжетов о *смердах, верви, закупам, дружине* и проч.

Научная новизна работы. Диссертация представляет собой первую попытку обобщающего исследования рассматриваемой проблемы, содержит новый взгляд на состав, место и роль *людей* в изменяющейся системе социальных связей восточнославянского общества VI – первой трети XII вв.

Основные положения, выносимые на защиту:

1. В VI – IX вв. можно выявить два важнейших значения слова «люди» в восточнославянском социуме: *люди* как половозрастное понятие, отражавшее группу младших мужчин в низовых социальных структурах (семье); и *люди* как обозначение довольно пестрой, неоднородной в социальном отношении массы полноправных членов общины, племени, союза племен.

2. В X – первой трети XII вв на Руси сосуществовали две формы семьи: малая и большая, при доминирующем положении последней. *Людин / муж* в древнерусской семье представлял собой домохозяина, маркировавшегося членами семьи как *господин*.

3. *Вервь* времен Русской Правды, прежде всего, – коллектив людей, основанный на кровнородственных отношениях. *Вервь*, являлась коллективным земельным собственником. *Людин / муж* был полноправным членом *верви*. *Вервь* являлась основной структурной ячейкой как сельского, так и городского населения. В силу обстоятельств социальный статус *вервей* различался. *Верви* были ранжированы (например: *верви простых, верви нарочитых, лучших людей*). Социальный состав самих *вервей* также различался. В *вервь* входили как родственники, так и социальные элементы, ограниченные в правах в силу своего происхождения (*злен, «ряд»* и др.).

4. Городская община представляла собой совокупность населения, предполагающую систему иерархичных социальных связей. Ярким примером таких иерархичных связей является орган власти городской общины – *дума*, а также военная организация, в случае войны, представлявшая собой конгломерат иерархически выстроенных *дружин*, возглавляемый *княжеской дружиной*. *Дружиной* являлась община *людей*, совпадающая по своим основным социальным параметрам с *вервью*.

5. Термин «вои» не был социально окрашен. *Воями*, т.е. воинами, могли быть различные слои населения: *люди, смерды, дружинники князя*, представители других народов. Народное ополчение обозначалось термином «полк». Основопологающим стержнем военной организации являлся принцип старшинства, пронизывающий всю военную организацию восточных славян.

6. История взаимоотношений *смердов* и *людей* – это, прежде всего, история взаимоотношений между славянской общностью и иноязычным населением. *Люди* и *смерды* различаются своим происхождением, социальным статусом, правовым положением, местом в социально-политическом пространстве Руси. *Смерды*, как и *люди*, – обладатели своей социальной организации – общины. Ее наличие не позволяет отождествить *смердов*, ни с рабами, ни с пленниками, посаженными на землю.

Практическое значение диссертации. Результаты исследования могут быть использованы при написании работ по социальной истории России, обобщающих и специальных работ истории Древней Руси. Материалы диссертации можно широко использовать при чтении общих курсов по отечественной истории, социальной истории России, специальных курсов.

Апробация результатов исследования. Диссертация прошла обсуждение и была рекомендована к защите на кафедре дореволюционной отечественной истории Удмуртского государственного университета. Основные ее положения отражены в четырех публикациях автора. Отдельные вопросы и сюжеты исследования излагались на всероссийских (2006, 2010) и региональных конференциях (2008).

Структура диссертации обусловлена решением, поставленным в ней задач. Диссертационная работа состоит из введения, трех глав, заключения, списка использованных источников и литературы, а также, списка сокращений.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **введении** обоснована актуальность темы исследования, дан источниковедческий и историографический анализ проблемы, определены объект, предмет, цели, задачи и методология исследования, его хронологические рамки.

В первой главе – **Социальная сущность людей в восточнославянском обществе VI – IX вв.**» выявляется сущность людей в восточнославянском обществе VI – IX вв. и их основные социальные параметры.

В первом параграфе – **«Некоторые черты общественного строя восточных славян в VI – IX вв.»** на основании различных исторических источников дается характеристика отдельных особенностей восточнославянского социума VI – IX вв. Данные (в первую очередь археологические) позволяют сделать вывод о том, что доминирующим типом семьи в славянском обществе в VI – VII вв. была большая семья, носившая патриархальный характер. Большие семьи входили в большесемейную общину (т.е. община, состоящая из больших семей) согласно старшинству. Социальные связи, бытовавшие в большесемейной общине, являвшейся патриимней, были кровнородственными. Несомненно, что такая община-патронимия носила название *вервь*. Наряду с этим названием община маркировалась и как *дружина*. Археологически *вервь-дружина* нашла отражение в форме гнезд-поселений. Большесемейная община была

основной социально-экономической ячейкой славянского социума VI – VII вв.

Надобщинных славянских центров в этот период еще не сложилось. Временные союзы не имели прочной экономической базы и быстро распадались.

Новая экономическая база начинает формироваться в VIII – IX вв. Изменения материальной базы коснулись, прежде всего, земледелия и животноводства. Хозяйственные сдвиги повлекли некоторые изменения и в социальных отношениях. Преобразования затронули как семейную организацию, так и общинную. Происходит процесс некоторого обособления отдельных больших семей в гнезде общины, которое в свою очередь приводит к неравномерности социального положения общин.

Важной чертой развития низовых звеньев социальной организации славянского общества было появление малых семей, нашедших археологическое отражение в виде миниатюрных селищ.

На этот период падает формирование новой системы связей между племенами. Временные союзы становятся постоянными и перерождаются в «племенные княжения».

Структуру восточнославянского общества накануне образования Киевской Руси, можно представить в виде нескольких концентрических кругов: большой семьи; большесемейной общины (*верви*); группы общин, объединенных под управлением одного старейшины (вождя племени); союза племен (самого широкого круга, включающего в себя три предыдущих). Такая строго иерархичная система организации общества была характерна не только для восточных славян в VIII – IX вв., она носила универсальный характер. Доминантой общественных отношений в этот период являлись кровнородственные связи, простиравшиеся на все уровни социальной структуры восточных славян.

Во втором параграфе – *«Люди в социальной структуре восточнославянского общества в VI – IX вв.»* анализируется социальное положение *людей* в восточнославянском обществе в VI – IX вв.

Применительно к ранней восточнославянской истории можно выделить два важнейших значения термина «люди»: *люди* как половозрастное понятие, отражавшее группу младших мужчин в низовых социальных структурах (семье); и *люди* как социовозрастное обозначение довольно пестрой, неоднородной в социальном отношении массы полноправных общинников в славянском обществе. Последнее значение становится основным, хотя оба эти социальных смысла сосуществуют – их можно легко обнаружить в письменных источниках и в последующем. Важнейшей социальной особенностью *людина* явилась его

«неотдифференцированность» от коллектива, его поглощенность родственными отношениями.

Особенность социальной структуры наложила свой отпечаток на вооруженные силы. *Княжеская дружина* не была инородным телом в социальном организме восточных славян и возглавляла в случае военных действий соподчиненный, согласно иерархии, конгломерат *дружин (полк)*. В зависимости от цели военного мероприятия (набега или масштабного нашествия, оборонительных действий) в нем участвовало различное количество *людей*, становясь в этом случае *войми*.

Вторая глава – «*Люди в древнерусском обществе X – первой трети XII вв.*» посвящена рассмотрению *людей* в системе социальных связей древнерусского общества X – первой трети XII вв. (в семье, сельской и городской общины, военной организации).

В параграфе первом – «*Люди в древнерусской семье*» констатируется, что в X – первой трети XII в. на Руси сосуществовали две формы семьи, (малая и большая) при доминирующем положении последней. *Людин*, являясь полноправным членом восточнославянского социума времен Киевской Руси, в древнерусской семье представлял собой домохозяина, маркирующегося как *господин*. В семье царил строгая иерархия, и *господин / людин*, таким образом, являлся полновластным главой, определяя всю внутреннюю и внешнюю жизнедеятельность этого микросоциального коллектива.

Очевидно, что древнерусская семья (как большая, так и малая) несмотря на крупные хозяйственные успехи вряд ли составляла экономически независимую единицу – без поддержки родственников выжить было трудно. Такой экономически независимой единицей была *вервь*. Она и составляла основную ячейку восточнославянского общества в X – первой трети XII в.

Во втором параграфе – «*Люди и сельская община*» проводится анализ взаимоотношений *верви* и *людей*.

Вервь предстает самоуправляющимся коллективом людей, тесно связанных взаимопомощью и коллективной ответственностью за поступки своих членов. Этот коллектив был основан, прежде всего, на кровнородственных отношениях. *Вервь*, являясь коллективным земельным собственником, обладала правами на выгоны, леса, водоемы. Полноправным членом *верви*, несомненно, был *людин*, ситуативно маркирующийся и *мужем*. *Вервь* определяла основные направления жизнедеятельности *людина / мужа* в восточнославянском социуме.

Как составная часть *вервь* входила в более сложные организации – *миры*. *Вервь*, включенная в *мир*, занимала какой-то определенный участок

села. Из *мира*, представляющим собой соседскую организацию, вырастал город.

В третьем параграфе «*Люди и городская община*» прослеживаются социальные связи *людей* в древнерусской городской общине.

Городская община представляла собой совокупность населения, предполагающую систему иерархических социальных связей. Полноправное городское население различного ранга носило название *люди*, статус которых был выше, чем статус сельских *людей*.

Основной структурной ячейкой городской общины также выступала *вервь*. В силу различных обстоятельств социальный статус городских *вервей* (как и сельских) отличался, но нельзя сказать, что эта разница носила принципиальный характер.

Из массы *вервей простых людей* в социальной системе города X – XI вв. выделялись *верви нарочитых мужей / людей*. Именно они являлись авторитетнейшими представителями туземного нобилитета, несвязанного с киевской княжеской администрацией. Важнейшую роль играли *лучшие мужи / люди*, обладавшие различными функциями, в первую очередь, дипломатическими.

Различия социального статуса *вервей*, помимо старшинства, обуславливались и социальным составом самой *верви*. Родственные коллективы знати, находясь на более высокой ступени городской иерархии, объединяли в себе гораздо больше членов. Но не все члены знатных *вервей* были родственниками по «крови». Значительная часть родственного коллектива знати была неполноправна. К таковым нужно относить категории, которые привычно называют зависимыми (*закупов, холопов, челядь* и др.) не являющихся кровными родственниками, а оказавшиеся в *верви знати* в силу различных обстоятельств: плена, «ряда» и др. С течением времени количественные показатели в таких *вервях* неизменно перерастали в качественные. Такого типа *верви* выступали локомотивом новых отношений – внутри знатных *вервей* постепенно стали закрадываться клиентские отношения. Отражением названного процесса является и появление новых терминов для обозначения этих категорий населения (*закуны, рядовичи*). В летописях и в некоторых других источниках чаще всего их можно обнаружить, например, под словом «чадь». Это объясняется тем, что социальная терминология облекалась в социовозрастные одежды.

Контингент зависимого населения в *верви простых людей* был менее многочисленным, а, следовательно, крепче были родовые устои, царившие в данной *верви*.

Важнейшими властными институтами являлись *вече* и *дума*, игравшие довольно большую роль в восточнославянском обществе. Главным и обязательным участником всечехых собраний было *людье* (т.е. главы семей,

домохозяева) различного социального ранга (от простого *людья* до *нарочитых мужей*).

Источником многих важнейших политических решений была *дума*. Инвариантная часть *думы* состояла из главенствующего родственного коллектива (княжеского), а также из ближайшего окружения. В вариативную часть *думы* в зависимости от внешних условий могли входить *тысяцкие*, *нарочитые люди*, первые лица церковной организации, лица иностранного происхождения. Публичная власть в древнерусском городе представляла собой, прежде всего, главенство одной генеалогической группы над другой.

В четвертом параграфе «*Люди и военная организация*» определяется место *людей* в восточнославянской военной организации.

Военная организация копировала контуры общественного устройства славян и представляла собой конгломерат иерархически выстроенных *дружин*, выступавшим в случае масштабных военных операций как народное ополчение. Во главе этой совокупности восточнославянских *дружин* стояла старшая – княжеская *дружина*, с довольно пестрым внутренним социальным составом.

Термин «*вои*», отнюдь не был социально окрашен, на чем настаивали некоторые исследователи. *Воями*, т.е. воинами, могли быть различные слои населения: *люди*, *смерды*, дружинники князя, представители других народов. Словом, обозначающим народное ополчение, был термин «*полк*». Основопологающим стержнем военной организации являлся принцип старшинства, пронизывающий всю военную организацию восточных славян.

В третьей главе – «*Люди в контексте взаимоотношений с представителями неполноправных социальных категорий*» *люди* рассматриваются сквозь призму социальных связей с другими категориями древнерусского населения (*смерды*, *холопы*, *челядь*, *рядовичи*, *закупы*, *изгой*).

В первом параграфе – «*Люди и смерды*» фиксируются важнейшие точки соприкосновения таких социальных групп как *смерды* и *люди*.

На сегодняшний момент можно признать, что под *смердами* скрывается достаточно многочисленная категория населения. История взаимоотношений *смердов* и *людей* – это, прежде всего, история взаимоотношений между славянской общностью и иноязычным населением, попавшим в орбиту влияния восточнославянского социума. *Люди* и *смерды* различаются своим происхождением, социальным статусом, правовым положением, местом в военной структуре.

Однако, есть черты, сближающие эти две категории, у *смердов*, как и у *людей*, существует своя социальная организация – община. Ее наличие не позволяет отождествить *смердов*, ни с рабами, ни с пленниками, посаженными на землю. Их место в социальной системе домонгольской Руси определяло и их минимальную политическую роль.

Во втором параграфе – «*Люди и челядь*» во взаимоотношениях *людей* с *челядью* (являвшимися рабами-пленниками) прослеживается две стороны. Во-первых, *людин* являлся владельцем (*господином*) *челяди*. *Челядинами* могли стать представители неславянских племен. Но в *челядинство* могли попасть и «свои», представители восточнославянских племен.

Вторая сторона заключается в том, что при неблагоприятном исходе военного конфликта *людин*, как свидетельствуют источники, и сам мог стать *челядином*.

В третьем параграфе – «*Люди и холопы*» изучаются социальные связи между *холопами* и *людьми*.

Холоп, также был рабом, но в отличие от *челядина* был «продуктом внутриобщественного развития». Источником *холопства* служил свой восточнославянский социум. В силу этого обстоятельства, социальное положение *холопа* выше, чем *челядина*. На более высокое положение *холопа* влиял и тот факт, что за его спиной в большинстве случаев стоял его родственный коллектив. *Людин*, маркирующийся как *господин*, есть владелец *холопов*. В зависимости от социального статуса *людина*, различался и статус *холопов*. Ранг *холопов* различался и от его «профессиональной» принадлежности. В лихую годину *людин* мог отдать в *холопы* своих родственников или стать *холопом* сам.

В своей социальной сути *рядович* являлся разновидностью *холопов*, следящий за порядком в хозяйстве *господина*. Он, являвшийся рабом, рекрутировался из восточнославянского социума. *Рядовичами* становились преимущественно «свои», которые в силу своего восточнославянского происхождения, гораздо лучше разбирающиеся в тонкостях социально-экономических отношений хозяйства своего *господина*. Путь *людина* в *рядовичи* пролегал рядом с дорогой в *холопы*.

В четвертом параграфе – «*Люди и закупы*» характеризуются взаимоотношения *закупов* и *людей*.

Закуп являлся тем лицом, которое в силу хозяйственной необеспеченности, а иногда и «пища ради» было вынуждено наниматься к *господину* за определенную плату (найм). Т.е. в основе *закупничества* лежали долговые отношения. Однако, природа таких отношений напоминала рабские. Несомненно, что источником необеспеченности *людина* было первоначальное разорение его хозяйства, вызванное социальными и природными катаклизмами (война, неурожай, болезни и т.д.).

Вторым источником экономической несостоятельности можно еще назвать и *изгойство*, которое было промежуточным статусом *людина* перед его инкорпорацией в новый родственный коллектив (*семью, вервь*). В новый родственный коллектив он принимался уже в качестве *холопа, закупа*.

В пятом параграфе – «*Люди и изгой*» люди изучаются в контексте взаимоотношений с *изгойми*.

Людин как только он выпадал из одной группы – попадал под влияние другой. В Киевской Руси наряду с родственными коллективами в некоторых случаях принять нового члена могла княжеская дружина или церковь. В период социального «одиночества», когда *людин* был «изжит» из одного коллектива, но еще не поступил в другой, он и был *изгоем*. Несмотря на равную виру, *людин* по своему социальному статусу стоял гораздо выше, чем *изгой*, который потенциально являлся *закутом* или *холопом* как в родственном коллективе, так и в церковной организации или в княжеском хозяйстве.

В заключении обобщаются результаты исследования, формулируются общие выводы.

В эпоху ранней славянской истории слово «люди» было социовозрастным понятием, отражавшим младшую группу мужчин в каких-либо низовых социальных структурах («свои люди»). Термин «люди» использовался и как обозначение довольно пестрой, неоднородной в социальном отношении массы полноправных общинников в племени и союзе племен.

В X – первой трети XII вв. термин «люди» также отражал пестрый состав социальных агентов, в который, наряду с рядовой массой свободных общинников, входили *бояре*, *нарочитые люди*, *лучшие люди* и др. Свободными им позволяла оставаться своя собственная социальная организация – кровнородственная община (*вервь*). Существующая градация среди *людей* не позволяет говорить о принципиальной разнотипности социальных организаций знати и *простых людей*. Социальные связи между общинами строились на основе иерархии, которая отразилась и в военной организации, и во властных институтах, а также в сфере взаимоотношений с неполноправными категориями.

Полученные выводы позволяют наметить ряд направлений в изучении социально-экономической и социально-политической истории восточнославянского социума VI – первой трети XII вв. Результаты проведенного исследования позволяют скорректировать современные представления о генезисе крупного землевладения (*вотчины*) в Киевской Руси. Открываются новые перспективы для пересмотра взаимоотношений *людей* с князем, *людей* с церковной организацией, *людей* с *вечем*. Под новым углом можно теперь взглянуть на многие эпизоды социально-политической борьбы в Киевской Руси.

Основные положения и результаты исследования изложены в следующих публикациях:

27

В ведущих рецензируемых журналах и изданиях, указанных в перечне ВАК:

1. Скобелев А.В. К вопросу о месте “людей” в структуре славянского общества VI–VII веков / А.В. Скобелев // Вестник Удмуртского университета. Сер. История и филология. 2010. Вып. 1. С. 3 – 12.

В других научных изданиях:

2. Скобелев А.В. К вопросу о “людях” домонгольской Руси / А.В. Скобелев // Девятая российская университетско-академическая научно-практическая конференция: материалы конф. / ГОУВПО “Удмурт. гос. ун-т”, Естест.-гуманит. науч.-образов. комплекс (ЕГНОК). ; отв. ред. Н. И. Леонов. Ижевск, 2008. С. 13 – 14.

3. Скобелев А.В. “Люди” домонгольской Руси в отечественной историографии / А.В. Скобелев // Вестник ИжГСХА. 2007. № 3. С. 61 – 67.

4. Скобелев А.В. Социальный состав городской общины средневековой Руси: к вопросу о содержании понятия “люди” // Российский город в исторической ретроспективе: материалы всероссийской научной конференции, посвященной 250-летию Ижевска. – Ижевск : Изд-во «Удмуртский университет», 2010. – С. 201 – 206.

Отпечатано с оригинал-макета заказчика

Подписано в печать 17.11.2010. Формат 60x84 1/16.

Тираж 100 экз. Заказ № 1873.

Типография ГОУВПО «Удмуртский государственный университет»
426034, Ижевск, ул. Университетская, 1, корп. 4

30